

верного Причерноморья, а рецензируемая работа будет долго служить настольной книгой для каждого изучающего боспорские древности.

В. Д. Блаватский

II

Присоединяясь в целом к общей оценке монографии, данной проф. В. Д. Блаватским в публикуемой выше статье (стр. 151), настоящая рецензия ставит своей целью разобрать подробнее некоторые исторические проблемы, затронутые в книге В. Ф. Гайдукевича. Усиленное внимание, которое теперь уделяется древней истории Северного Причерноморья в курсе высшей школы, значительно повышает нашу потребность в обобщающих работах по истории как всего Причерноморья, так и его отдельных областей.

В. Ф. Гайдукевичу удалось поставить и удачно осветить целый ряд проблем истории Боспорского царства, многие из которых уже подвергались обсуждению в советской науке. Автор всесторонне разбирает причины греческой колонизации (стр. 12—14), причем учитывает соответствующие высказывания Маркса¹, не пользующиеся, к сожалению, тем вниманием, которого они заслуживают. В качестве причин колонизации он учитывает и результаты относительного перенаселения античных городов, и классовую борьбу, и торговые цели.

В. Ф. Гайдукевич дает яркую характеристику социального строя Боспорского царства в первые столетия его существования, показывает удельный вес и постепенный рост рабства, устанавливает роль эксплуатации зависимых крестьян и на целом ряде примеров выявляет наличие сходных отношений в других областях эллинского мира, в особенности на его периферии (стр. 149—153). Сопоставление института зависимого крестьянства с «рабско»-подданическими отношениями, зарождавшимися у кочевников (стр. 132), методологически верно и потому очень удачно. Хорошо освещено восстание Савмака; В. Ф. Гайдукевич ясно показывает, что никакие пересмотры не могут опровергнуть точку зрения С. А. Жебелева, впервые доказавшего, что восстание Савмака было в действительности общим восстанием угнетенного скифского населения Боспорского царства; очень правдоподобно замечание автора, что «вожаки восстания руководствовались в своих действиях идеей превращения Боспора в конечном счете в скифское государство» (стр. 538). Помимо царских монет самого Савмака, подтверждением этому является деятельность рабских царей Эвна и Трифона, а также Аристоника, с восстанием которого сопоставляет восстание Савмака сам автор (стр. 304). Чрезвычайно интересно, в частности, подмеченное В. Ф. Гайдукевичем наличие солярной символики на монетах Савмака, которая особенно тесно сближает скифское восстание на Боспоре с восстанием Аристоника.

Четко изложена история Боспора в I в. до н. э. и в первые столетия нашей эры. В. Ф. Гайдукевич очень справедливо определяет причины, побуждавшие римлян добиваться господства в Северном Причерноморье (стр. 318—325), правильно относит принятие боспорскими царями имени Тибериев Юлиев ко времени Аспурга (стр. 324), дает интересное сопоставление сравнительно скудных литературных, эпиграфических и нумизматических источников по истории Боспора с середины I в. н. э. и т. д. В заключительных главах монографии хорошо показана постепенная «сарматизация» Боспора, нарастание местных черт в его политическом строе и культуре.

Можно было бы привести еще целый ряд примеров удачной постановки и успешного разрешения В. Ф. Гайдукевичем отдельных проблем истории Боспора. Следует, однако, заметить, что способ изложения археологического материала, а также отдельные частные положения и суждения автора вызывают некоторое сомнение и потому нуждаются в пересмотре или дополнительном обосновании.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 128—129.

У В. Ф. Гайдукевича несколько принижается роль местного сельского хозяйства по сравнению с ролью торговли; автор неоднократно заявляет, что торговля и прежде всего «экспорт хлеба» являлись «жизненной основой городов рабовладельческого Боспора» (стр. 57), «краеугольным камнем» его экономики (стр. 320), между тем как для всех государств античного мира, кроме немногих, обладавших крайне скудной почвой и потому неспособных себя прокормить, «краеугольным камнем» экономики было, без сомнения, сельское хозяйство, и Боспор не составлял в этом отношении исключения¹. Ввиду этого главы V («Торговые сношения Боспора в период Спартокидов») и VI («Сельское хозяйство, промышленность и художественные ремесла Боспора») методологически было бы правильное переставить.

Местами имеется некоторая нечеткость в терминологии; выражение «общинно-родовой строй» (стр. 51) не совсем удачно, лучше говорить «первобытно-общинный строй»².

Характеризуя политический строй раннего Пантикапея, В. Ф. Гайдукевич не анализирует понятия «рабовладельческая демократия» и пользуется неправильной терминологией, вследствие чего его выводы представляются не всегда достаточно обоснованными. В результате применения этой терминологии те черты, которые характеризуют античный полис вообще, оказываются признаками наличия демократического образа правления. В самом деле, и в аристократических и в демократических полисах имелись «выборные должностные лица, облеченные властью по решению общины» (стр. 62) и т. д. Равным образом наличие буле и демоса (стр. 340—341) также не указывает на демократический образ правления. Все эти институты могут существовать как в демократических, так и в аристократических полисах.

К сожалению, по данному вопросу у В. Ф. Гайдукевича нет определенной точки зрения. С одной стороны, он считает строй Пантикапея демократическим (стр. 62, 75) и полагает, что с самого начала Пантикапей управлялся архонтами типа афинских (стр. 62); с другой стороны, он указывает, что «номинально выборные архонты являлись в действительности такими правителями, власть которых переходила от отца к сыну по наследству» (стр. 44); с одной стороны, он указывает, что от основания колоний прошло некоторое время, прежде чем «власть сосредоточилась... в руках Археанактидов» (стр. 62); с другой, он называет Археанакта ойкисмом Пантикапея и, таким образом, признает, что Археанактиды играли с самого начала руководящую роль в жизни города (стр. 43—44). Все это затрудняет понимание читателем этого и без того темного вопроса.

Те взгляды, которые В. Ф. Гайдукевич развивает в главе III (стр. 43—45), представляются более вероятными, хотя и против них можно высказать некоторые соображения. Прежде всего, неясно, как назывались первоначальные магистраты Пантикапея и какой именно титул носили Археанактиды. В единственном месте, где они упоминаются, о них говорится как о царях, — βασιλεύσαντες (D i o d., XII, 31, 1). На Боспоре титул архонта эпиграфически засвидетельствован не ранее периода правления Спартокидов. Сравнительное изучение материала о государственном устройстве различных эллинических городов показывает, что как первоначальное учреждение архонтат известен лишь для Афин и Беотии, тогда как во всех остальных полисах архонтат возникает под афинским (острова) или беотийским (североэллиниские] государства) влиянием. В метрополии Пантикапея Милете высшие должностные лица назывались пританами, айсимпетами, стефанфорами³. Можно предположить, что титул архонта не восходит к самому началу существования Пантикапея, а возник в связи с объединением боспорских городов в 480 г. или даже в связи с приходом к власти Спартокидов. Самый титул «архонт Боспора [т. е. совокупности боспорских городов]

¹ Ср. точку зрения С. А. Жебелева, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИАН ООИ, 1934, № 8, стр. 583 сл.

² См. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 119.

³ С. А. Жебелев, Возникновение Боспорского государства, ИАН ОГН, 1930, № 10, стр. 818—820.

и Феодосии», как он сохранился хотя бы в надписи Левкона I, указывает на то, что и Левкон и другие Спартокиды носили его в качестве правителей целой федерации городов. Сходным образом Дионисий I, объединив города Сицилии, провозгласил себя «архонтом Сицилии». Самый титул архонта своей неопределенностью был удобен для неограниченной, но завуалированной власти единоличного правителя над сохранявшими, по меньшей мере, номинальную автономию полисами, тем более, что он не внушал такой неприязни, как царский титул. Все это позволяет думать, что звание архонтов не обязательно восходит к основанию колонии и что оно могло возникнуть позже, на протяжении V в.

Что касается Археанактидов, то, если считать их гипотетичного родоначальника Археанакта ойкисом Пантикаея, необходимо предположить, что они с самого начала оказывали значительное влияние на дела этого города (у Д и о д р а, XII, 31, 1, говорится об их 42-летнем господстве над Боспором). Они происходили, по всей вероятности, из милетской знати¹ и на протяжении многих лет господствовали над Пантикаеем, подобно Медонтидам в Афинах, Бакхпадам в Коринфе, Баттиадам в Кирене и т. д. Все это заставляет предположить, что Пантикаей в первые десятилетия своего существования был самостоятельным городом-государством, но имел не демократическое, а аристократическое устройство.

Аристократический характер правления Археанактидов может пролить некоторый свет и на другой важный вопрос истории раннего Боспора. Как известно по некоторым данным (см. А н о н., РРЕ, 77(51); I s o r., Трап., 5), Спартокиды пришли к власти не без борьбы, повидимому, в результате государственного переворота. В. Ф. Гайдукевич проводит эту точку зрения (стр. 54—55) и высказывает вслед за рядом других исследователей предположение о связи воцарения Спартокидов с понтийской экспедицией Перикла (стр. 496). Хотя нельзя сказать ничего определенного по этому вопросу из-за отсутствия точных данных в источниках, однако следует признать это предположение очень вероятным. Возможно, что Афины, как и в других местах, поддерживали демократическое движение в городах Боспора, возглавленное вождем фракийских наемников Спартоком, и способствовали изгнанию аристократических правителей. Подобные демократические перевороты, соединенные с военными мятежами, начинают происходить с конца V в. и в других областях эллинистического мира (сицилийская держава Дионисиев) и открывают собой эпоху поздней тирании. На Боспоре соответствующий переворот в силу ряда обстоятельств (постоянно обостренное внешнее положение и, как следствие этого, потребность в наемной армии, значительное развитие торговли и ремесла при сохранении аристократического устройства) происходит раньше, чем где-либо, причем Спартокиды соединяют в себе черты, характерные и для ранних (свержение аристократии) и для поздних (военный характер переворота) тиранов. Недаром Э л и а н (VII, VI, 13) сопоставляет династию Левконидов (т. е. Спартокидов) с домом Гиерона в Сицилии и Кипселидами в Коринфе.

Чтобы покончить с вопросом о политическом устройстве боспорских городов, необходимо еще кратко остановиться на двух деталях. В. Ф. Гайдукевич считает совершенно несовместимой автономию Фанагории и вхождение ее в состав Боспора при первых Спартокидах (стр. 198—199). Между тем, как уже было сказано выше, автономия полисов и объединение их под властью какого-либо крупного государства в условиях античности совершенно не исключают друг друга. И автономия, и эвентерия, и *ἀνεξαρτησία* прекрасно совмещались с неограниченным произволом эллинистических царей или римских императоров, и, наоборот, при вхождении полиса в состав какого-либо крупного государства могла сохраняться весьма значительная свобода внутренней политики. В связи с этим представляется несколько сомнительным замечание

¹ Некий Археанакт был отцом одного из милетских айсимнетов конца VI в. (С. А. Жебелев, Возникновение Боспорского государства, ИАН ОГН, № 10, стр. 817); на знатное происхождение указывает также и самое имя Археанакт по своей этимологии.

В. Ф. Гайдукевича, что «в римский период в государственно-политическом строе Боспора уже нет ничего, что могло хотя бы отдаленно напомнить рабовладельческий демократический полис» (стр. 340); весьма значительные элементы полисного устройства должны были сохраниться в Пантикаее и в первые века нашей эры, и отсутствие соответствующих данных в источниках не является в этом случае достаточным аргументом. Вне рамок полиса даже трудно представить себе устройство позднеантичного Пантикаея.

Вопрос о времени основания греческих колоний в Северном Причерноморье освещен в книге слишком бегло и недостаточно четко. В одном месте (стр. 3) В. Ф. Гайдукевич относит основание греческих колоний Северного Причерноморья к VI—V вв.; в другом (стр. 7) отодвигает начало этого процесса к последним десятилетиям VII в.; по вопросу о времени основания отдельных городов автор высказывается более определенно, относя, в частности, возникновение Ольвии к первой половине VI в., а поселения на Березани — к концу VII в. (стр. 21). В. Ф. Гайдукевич основывается при этом на археологических данных, но не приводит никаких аргументов в пользу своей точки зрения. Между тем следовало бы хотя бы упомянуть точную дату основания Борисфена, которую дает Евсевий (Chron., а. Abr. 1372), относящий основание этого города к ОI. XXXIII, 4 (по Иерониму), т. е. 645—644 г. до н. э. Эта датировка интересна уже хотя бы тем, что она лишь немногим расходится с археологически установленной датировкой возникновения поселения на Березани; на сходство наименований Борисфена и Березани уже указывалось в нашей науке. Отсутствие аргументации по вопросу о времени основания отдельных греческих городов на северном берегу Понта (в первую очередь, городов, входивших позднее в состав Боспорского царства) и, в частности, то, что не привлечены данные литературной традиции, является досадным пробелом.

Чтобы покончить с вопросом о ранних сношениях Эгейского бассейна с Северным Причерноморьем, следует отметить, что на основании древнейшего (если не считать Айс., Sam., I, 1, где уже есть указание на связь Аполлона с гиперборейцами) и наиболее авторитетного свидетельства относительно гиперборейских даров, приносимых на Делос (Нег., IV, 33), эти дары следует связывать не с Северным Причерноморьем, а со странами Средней Европы, расположенными к северу от Адриатического моря, поскольку, лишь начиная отсюда, путь даров, описанный Геродотом, имеет в какой-то мере реальный характер. Эта часть пути в основном подтверждается Каллимахом (Hymn., IV, 278—290). Свидетельства Мелы (III, 5, 37) и Плиния (NH, IV, 91) недостаточно определены, тогда как свидетельство Павсания (I, 31, 2), дающее совсем другой путь гиперборейских даров, основано, повидимому, на местной храмовой легенде храма Аполлона в Прасиях и непосредственно не связано с Делосом. Путь гиперборейских даров, как он описан у Геродота, позволяет, быть может, думать, что в этой легенде отразились древние связи эллинского мира с культурами поздней бронзы и раннего железа в северных частях Балканского полуострова.

Хотя В. Ф. Гайдукевич, разбирая вопрос о наличии на Боспоре зависимого крестьянства, приводит целый ряд примеров из жизни других эллинских городов и, в частности, колоний, привлекая, между прочим, в качестве примера и Сицилию (стр. 151), однако вообще сопоставление Боспора с другими государственными образованиями на периферии эллинского мира проведено явно недостаточно. И Боспор и Сицилия являются примерами областей, в которых эллинский мир пришел в соприкосновение с миром варварским, причем это соприкосновение оказало глубокое влияние и на тот и на другой. Сочетание эллинских городов и варварской периферии, которое нашло свое выражение в двойном титуле Спартокидов, характерно и для Сицилии, и для Южной Италии, и для ряда других областей эллинского мира. И на Боспоре и в Сицилии почти одновременно происходят перевороты, приведшие к образованию военной монархии, так называемой «поздней тирании»; сицилийская держава Дионисиев безусловно является одним из первых примеров этой поздней тирании, тогда как государство Спартокидов сближается с ней некоторыми своими чертами. И там и здесь власть захватили способные военачальники, опиравшиеся на наемников и на местное демократическое движение; и там и здесь установление новой власти сопровождалось

лось завоевательными походами, покорением соседних эллинских городов и варварских племен. Подобно боспорским Спартокидам, Дионисий, покорив большую часть острова, не решился пользоваться по отношению к эллинам титулом царя и предпочитал именовать себя архонтом Сицилии. Уже древние проводили в некоторых отношениях параллели между боспорской и сицилийской тираниями с точки зрения их некоторых особенностей (см. A e l., VII, VI, 13); современный исследователь вправе углубить эту параллель, сопоставляя господство Спартокидов не столько с тиранией Гиерона, опиравшейся на землевладельческую аристократию, сколько с сицилийской державой Дионисия.

Сопоставление с Сицилией может быть очень плодотворно, но, разумеется, лишь для ранних периодов истории Боспора; процесс сращения эллинских и варварских элементов пошел на Боспоре гораздо дальше, чем в большинстве других эллинских колоний, и привел к возникновению качественно отличных явлений. Тем не менее, сравнительно-историческое изучение Боспора в связи с другими государственными образованиями на периферии эллинского мира чрезвычайно необходимо.

Явления, аналогичные тем, которые имели место на Боспоре, характерны и для ряда эллинских колоний на других берегах Понта: по вопросу о взаимоотношениях со скифами любопытно сопоставить Боспор с западнопонтийскими городами¹, тогда как тирания Спартокидов находит известные аналогии в тирании Клеарха и его преемников в Геракле Понтийской, относящейся к IV в. до н. э.

Наконец, сравнительно-историческое изучение Боспора в связи с другими эллино-варварскими и эллино-восточными государствами типа Карии Мавсола должно показать, что Боспор, наряду с рядом других государств, был, по существу, государством предэллинистическим — мысль, высказанная уже С. А. Жебелевым², но требующая дальнейшего обоснования и развития в связи с общим изучением эллинистического периода в нашей науке. Взаимодействие эллинского и неэллинского населения вызывало явления, характерные и для азиатского эллинизма, тогда как представители поздней тирании, особенно на периферии эллинского мира, и в том числе Спартокиды были до известной степени предшественниками эллинистических царей.

Переходя к истории Боспора в период после падения Спартокидов, необходимо заметить, что эта часть труда В. Ф. Гайдукевича написана четко и во многих отношениях удачно. Замечания, относящиеся к этой части, будут касаться не столько общих проблем, сколько трактовки отдельных частных вопросов.

Неясно изложены планы борьбы с Римом, которые намечал Митридат в последний период своей жизни. Мысль В. Ф. Гайдукевича о том, что Митридат предполагал соединиться с кельтскими племенами «морским путем через Дунай» (стр. 310), помимо того, что она непонятна сама по себе, противоречит тому, что было сказано выше о намерении Митридата обойти Понт сухим путем с севера (стр. 308). Слова В. Ф. Гайдукевича о том, что Фарнак захватил Колхиду и Армению (стр. 312), неточны; из текста П с е в д о - Ц е з а р я (ВА, 35,1), видно, что речь идет лишь о захвате Малой Армении, а это совершенно меняет смысл данного сообщения; Великой Арменией в это время управлял сын Тиграна II Артавазд.

Сохранение боспорскими царями имени «Тиберий Юлий» указывает не на значение Аспурга (стр. 324), а на то, что боспорские цари унаследовали от Аспурга полученное им римское гражданство вместе с соответствующими правами и почтен.

Недостаточно обоснованным представляется отнесение похода Плавтия Сильвана под Херсонес к 62 г. (стр. 330). Для этой даты нет никаких определенных оснований, в то время как можно привести некоторые аргументы в пользу того, что херсонесская экспедиция Плавтия Сильвана относится к 61 г. Успешный поход Плавтия Сильвана за пределы провинции, снятие осады с большого эллинского города и отражение скиф-

¹ См. Т. В. Блаватская, Греки и скифы в Западном Причерноморье, ВДИ, 1948, № 1, стр. 206—213.

² С. А. Жебелев, ИАН ООИ, 1934, № 9, стр. 679.

ского царя должны были повести к новому провозглашению Нерона императором. Незначительные успехи легата Нижней Германии Дубия Авита (Т а с., App., XIII, 54—56) послужили поводом V провозглашения Нерона императором (CIL, II, 346). Между тем IX провозглашение Нерона императором, относящееся ко второй половине 61 г. (II, 2488), нельзя связать определенно ни с каким другим успехом римского оружия. Британская война в это время была уже окончена — победы Светония Павлина принесли VIII провозглашение Нерона императором, последовавшее в том же 61 г. (III, 6123; X, 5171), — Корбулоном летом 61 г. был заключен не утвержденный правительством мирный договор. В литературе¹ высказывались предположения, что причиной IX провозглашения послужили мнимые победы Пета, о которых он написал императору (Т а с., App., XV, 8). Однако зима застала Пета еще в Армении, письмо он написал по возвращении оттуда, и оно вряд ли могло попасть в Рим до 10/XII 61 г. Таким образом, единственно возможной причиной IX провозглашения Нерона императором оказывается поход Плавтия Сильвана под Херсонес, который должен был произойти около этого времени, и эта датировка похода Плавтия Сильвана под Херсонес является более вероятной, нежели датировка его 62 г.

Точка зрения В. Ф. Гайдукевича по вопросу о положении Боспора во второй половине правления Нерона недостаточно ясна. С одной стороны, он относит конец правления Котиса I к 60—61 гг. (стр. 579) и говорит о попытке превращения Боспора в провинцию (332), с другой — указывает, что новые типы боспорских монет, появившиеся в 62 г., свидетельствуют лишь об установлении непосредственного протектората над Боспором² и об «утрате царем Котисом права чеканки монет от своего имени» (стр. 330). Ни отсутствие царской монограммы на монетах, ни введение войска легионариев на территорию Боспора (стр. 330) не являются безусловными доказательствами превращения Боспора в провинцию. В частности, за несколько лет перед тем на территории сравнительно слабо зависимой от Рима Армении была поставлена вексилляционная легионариев (Т а с., App., XIV, 26). Курульное кресло, помещаемое на монетах боспорских царей со времени Рескупорида II, не является атрибутом, свойственным исключительно римским наместникам (стр. 329); оно встречается и на монетах других царей, например, фракийских², и свидетельствует, повидимому, о том, что эти цари, будучи римскими гражданами, являлись членами сенаторского сословия; в пользу того, что зависимые цари в ряде случаев могли принимать участие в заседаниях сената и даже играть при этом значительную роль, можно привести целый ряд доказательств. Таким образом, и курульное кресло на монетах само по себе не указывает на какое-либо усиление зависимости боспорских царей от Рима. И после Рескупорида II боспорские цари продолжали оставаться теми же *φιλοκαίσαρες* и *φιλορώμαιοι*, какими они были до того. Изменялись не столько внешние формы отношений между Боспором и Римом, сколько их внутреннее содержание, которое каждый раз зависело от реального соотношения сил.

Упомянув о разрешении императором Антоном спора царя Реметалка с каким-то другим лицом (SHA, Pius, 9, 8), В. Ф. Гайдукевич (стр. 234) правильно принимает точку зрения В. В. Латышева, предпочитающего следовать рукописному преданию, а не исправлять, подобно другим, *curatorem* на *Eupatorem*. Следовало бы, однако, несколько уточнить этот вопрос. В. Ф. Гайдукевич называет упомянутого в биографии Антонина куратора «представителем римской провинциальной администрации», т. е., очевидно, вифинской, поскольку Рим обычно споелся с царями Боспора через наместников Вифинии и Понта (Т а с., App., XII, 21; P l i n., Ерр., X, 67(15); L u c., AI, 57). Однако более вероятно предположить, что куратор — особое должностное лицо, надо думать, из всадников, назначаемое в то или иное зависимое царство для надзора преимущественно

¹ S c h u r, Untersuchungen zur Geschichte der Kriege Corbulos, «Klio», XIX (1925), стр. 93—94; A n d e r s o n, The Eastern Frontier from Tiberius to Nero, САН. X, 1934, стр. 767.

² M i o n n e t, Description de médailles antiques, grecques et romaines, avec leur degré de rareté et leur estimation, I, 1805, стр. 447. №№ 437, 448; Suppl., I, II, 1822, стр. 555—557.

по за финансовой стороной царского управления. С этой точки зрения боспорский *curator* напоминает тех многочисленных *curatores rerum publicarum*, которые в это время надзирали за управлением «свободных общин» империи. Что такие лица, контролирувавшие финансовое управление царей, действительно существовали, свидетельствует рассказ Диона (LVII, 17,5) об Архелее Каппадокийском. Сходные функции мог выполнять и боспорский *curator*.

В. Ф. Гайдукевич хорошо показывает нарастание восточных черт в боспорской монархии первых столетий нашей эры (стр. 341), однако следует заметить, что такие эпитеты как *οστῆρ* и *εδερρέτης* являются трафаретными для греческих надписей эллинистического и римского времени и потому сами по себе ничего не дают для доказательства выдвинутых автором положений.

Соотношение эллинского и варварского элемента на территории Боспора, их взаимное проникновение и влияние друг на друга, эллинизация варваров и сарматизация эллинов весьма обстоятельно показаны в работе В. Ф. Гайдукевича. Здесь необходимо высказать лишь отдельные частные соображения. Недостаточно ясно показано различие между эллинами и местным населением будущей территории Боспорского царства в отношении уровня общественного развития, недостаточно охарактеризован процесс разрушения первобытно-общинного строя припонтийских племен эллинской колонизацией. Во «Введении», где автор дает общую характеристику значения эллинских колоний северного побережья Понта и указывает на особенности их развития, он прежде всего рассматривает вопросы культурного взаимодействия между эллинами и северопонтийскими варварами и лишь потом кратко говорит о влиянии колонизации на ускорение темпов социально-политического развития местных племен Северного Причерноморья (стр. 3—5). А между тем это ускорение является одним из важнейших следствий эллинской колонизации Понта, более важным, чем культурная ассимиляция.

Характеризуя культурное состояние Боспора в первые века нашей эры, В. Ф. Гайдукевич умело показывает и сохранение элементов эллинизма в быту высших слоев боспорского населения, в первую очередь царей, и, вместе с тем, нарастающую сарматизацию боспорского общества. Следует, однако, отметить, что употребление греческого языка в качестве основного государственного языка Боспорского царства (стр. 325, 348) не является бесспорным доказательством выдвинутого автором положения. В таких государствах, как Парфия, представляющая собой яркий образец антиэллинистической реакции народов Востока против эллинизма, подавлявшего и сокращавшего местные общественные порядки и культурные особенности, употребление греческого языка в официальной жизни (например, на монетах, отчасти в надписях) прекрасно сочеталось с прочным сохранением местных традиций в быту и культуре.

С другой стороны, автор, давая прекрасный подбор материала по сарматизации Боспора, не делает почему-то иногда необходимых выводов. Непонятно, например, почему Аифестерия необходимо считать сарматом (стр. 404), а не видеть в нем эллина, подвергнувшегося сарматизации, владевшего обширными стадами и потому вынужденного покидать на лето город и жить в юрте, как это позднее делали хазары; по свидетельству Диона Христома (Ог. Вог.), эллины-борисфениты по внешнему виду многим отличались от живших вокруг них варваров.

Другой пример относится к истории искусства. В. Ф. Гайдукевич описывает и отчасти дает воспроизведение целого ряда памятников позднебоспорского искусства. Таковы изображения похищения Персефоны в склепе, открытом в 1895 г. (стр. 407), изображение Деметры на своде того же склепа (стр. 409), изображение боя в склепе 1872 г. (стр. 419), отряда боспорского войска в том же склепе (стр. 420) и т. д. Для всех этих памятников стеной росши характерна одна бросающаяся в глаза особенность — фронтальность подавляющего большинства изображений, сохраняемая даже там, где она излишня (сцена боя). Эта фронтальность изображений роднит боспорское искусство с так называемым «позднеклассическим» (в действительности ранне- или, вернее, предвизантийским), коптским и особенно с парфянским искусством, которое недавно стало известно по раскопкам в Дуре Эвросос. В. Ф. Гайдукевич указывает на сходство пантикапейских изображений с парфянскими, отмечает фронтальность

парфянских изображений (стр. 420), но упоминает обо всем этом как-то мимоходом, никаких особенных выводов, кроме того, что Боспор был связан с восточно-эллинистическим миром, не делает из собранного им материала.

Не вполне удачным представляется и тезис о развитии боспорского и парфянского искусства под общим влиянием восточноэллинистических художественных приемов. И боспорское и парфянское искусство являются, напротив, яркими примерами того, как туземное искусство «варварских» народов Востока постепенно освобождается от влияния эллинизма, противопоставляет ему свой собственный художественный язык, вводит фронтальное изображение, общающееся со зрителем, на смену профильному, характерному для античных ваз, монет и т. д. При этом следует говорить, быть может, не столько о влиянии Парфии на Боспор (стр. 422), сколько об общих путях культурного развития — о близости сарматской и парфянской культуры, наконец, о некоторой общности исторических судеб Боспора и Парфии на периферии падающей античной цивилизации, под мощным влиянием местных традиций, поднимающихся изнутри по мере освобождения от внешних покровов эллинизма. Недаром армянские историки говорят о четырех ветвях династии Аршакидов, одна из которых управляла землями, расположенными вокруг Боспора¹. Помимо фронтальности изображений, можно привести и ряд других параллелей между боспорским и иранским искусством; например, боспорские конные рельефы весьма напоминают соответствующие изображения эпохи Сассанидов. Комплексное изучение искусства и культуры Востока в период перехода от древности к средневековью и выяснение роли народов нашей страны в их развитии являются насущной задачей нашей науки.

Таковы основные критические замечания, которые необходимо сделать по монографии В. Ф. Гайдукевича. В данной рецензии была сделана попытка разобрать основные принципиальные и частные вопросы, имеющие непосредственное отношение к истории Боспора. Все указанные в данном разборе недочеты, разумеется, не уменьшают большой ценности книги, являющейся крупным достижением нашей науки.

О. В. Кудрявцев

Т. Н. КНИПОВИЧ, Танаис. Издательство Академии Наук СССР, М.—Л., 1949, 177 стр., тираж 2500 экз., цена 15 руб.

Выдающиеся успехи советской археологической науки в исследовании античных городищ нашего юга и культуры народов, населявших Северное Причерноморье в античную эпоху, вызвали потребность в обобщающих работах по истории отдельных городских центров и целых государств, существовавших на северном берегу Понта в то время. Неслучайно поэтому появление в последнее время таких работ, как «Херсонес Таврический» Г. Д. Белова и «Боспорское царство» В. Ф. Гайдукевича. Рассматриваемая монография Т. Н. Книпович «Танаис», посвященная одному из крупных торговых центров Северного Причерноморья античного времени, должна, по мысли автора, принадлежать «к числу работ сходного типа» (стр. 4). Вероятно, этой аналогией с названными работами объясняется и само заглавие книги Книпович, содержащее только имя города. Однако книга эта по характеру своему резко отличается от выше названных работ Белова и Гайдукевича, да и ставит себе несколько иные задачи. За законичным заглавием «Танаис» мы вправе были бы ожидать найти очерк экономической, политической и культурной истории этого города. К сожалению, в распоряжении перенести центр тяжести на ознакомление читателей со всеми имеющимися в нашем распоряжении источниками наших сведений о Танаисе» (стр. 6). Таким образом, рецензируемая работа носит прежде всего источниковедческий характер.

¹ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, 1948, стр. 342.